

II.

ОФИЦИАЛЬНЫЯ СТАТЬИ И ИЗВѢСТІЯ.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ОТЧЕТОВЪ ЛИЦЪ, ОТПРАВЛЕННЫХЪ ЗА ГРАНИЦУ ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ПРОФЕССОРСКОМУ ЗВАНІЮ.

1) Кандидата А. Веселовскаго.

Всякому занимавшемуся сколько нибудь исторіей древней англійской литературы слишкомъ хорошо извѣстно, какъ самая сложность предмета препятствуетъ полному и всестороннему знакомству съ нимъ. Какъ англійскій народъ сложился изъ множества разнообразныхъ элементовъ, такъ и англійская литература только въ XIV вѣкѣ окончательно выработалась къ сознанию своего единства, вмѣстѣ съ окрѣпшимъ во французскихъ войнахъ Эдуарда III сознаниемъ національной цѣлости. До той поры національные элементы бродили въ безпорядкѣ; кельтская, латинская, англо-саксонская литературы существовали рядомъ, какъ выраженіе класса, сословія в отчужденныхъ къ западнымъ границамъ туземцевъ. Рядомъ съ ними начинали выработываться признаки англійскаго языка, котораго исторію возводятъ обыкновенно къ прокламаціи Генрика III. Съ той же поры привыкли начинать и исторію англійской литературы, какъ отличной отъ предшествующей англо-саксонской и внесенной завоевателями французско-норманской. Мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Въ литературныхъ памятникахъ Англій XIII столѣтія, мы не находимъ ничего такого, что бы заставляло предположить начала какой нибудь новой жизни, сложение народности, ничего характеристическаго, выходящаго надъ предшествующимъ уро-

немъ. Риемованныя хроникн, геста о королѣ Александрѣ, взятнн съ французскаго и латинскаго оригиналовъ, споръ совы съ соловьемъ и геста о королѣ Горнѣ, до сихъ поръ не возведенны ни къ какимъ западнымъ источникамъ, но совершенно въ ихъ стилѣ—туть или продолженіе стараго или внесене чужаго, но ничего своего, чему бы можно дать другое названіе. Риемованныя хроникн существовали и у англо-саксовъ; эпическій разсказъ только распростра- нился на болѣе широкую почву, не приобрѣвъ никакой новой на- циональной основы, ни новой точки зрѣнія. Продолжается старая жизнь, а новая еще не занималась. Исторію англійской литературы надо начинать или раньше или позже періода, съ котораго ее обыкновенно начинаютъ: или съ Беовульфа или съ Чосера.

Намъ кажется, что тѣ, которые связываютъ исторію англійскаго языка съ исторіей англійской литературы, и ту и другую заста- вляютъ родиться въ XIII столѣтіи — вдвойнѣ ошибаются. Англій- скій языкъ родился раньше, такъ рано, что нельзя сказать, когда онъ родился. Онъ прямой наслѣдникъ англо-саксонскаго и развился прямо изъ него, утратой полногласія и флексій. Усиленный приливъ романскаго элемента, послѣ норманскаго завоеванія, не былъ при- чиной этой утраты, которая началась гораздо раньше. И безъ этого прилива англійская грамматика сложилась бы также или почти такъ, какъ она существуетъ теперь; вліяніе норманскаго элемента было почти исключительно лексическое и отчасти фонетическое: романскій акцентъ измѣнилъ въ началѣ произношеніе многихъ англо-саксонскихъ словъ, перенесъ удареніе съ кореннаго слога ближе къ окончанію, но и то не надолго. Реакція не замедлила обнаружиться въ скоромъ времени и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ оба раз- нородные элемента приходили въ равновѣсіе въ языкѣ, мы видимъ, какъ англо-саксонская основа постепенно беретъ верхъ и удареніе переселится опять на коренной слогъ, даже въ словахъ романскаго происхожденія. Исторія англійскаго языка является такимъ образомъ цѣльною, непрерывною и мы не знаемъ почему бы вскакъ ея начала по сю сторону норманскаго завоеванія. И въ языкѣ надо начинать съ Беовульфа.

Главная ошибка лежитъ, какъ намъ кажется, въ самомъ прин- ципѣ—это вторая ошибка—въ принципѣ, слѣдуя которому обыкно- венно соединяютъ исторію литературы съ исторіей языка. Это хо- рошо только относительно того періода народнаго развитія, которое мы привыкли называть доисторическимъ. Тогда исторія языка была

вмѣстѣ и исторіей литературы, слово было мнѣомъ, отчетомъ чело-
вѣка о себѣ и о природѣ, отраженіемъ внутренняго психологиче-
скаго процесса. Книга Pictet «Les origines indo-européennes» есть исто-
рія доисторической литературы. Потомъ, челоѣкъ пересталъ твора-
рить въ словѣ, слово окаменѣло, оно стало только матеріаломъ,
орудіемъ мысли болѣе широкой—и мы переходимъ въ періодъ соб-
ственно, такъ называемыхъ, литературныхъ памятниковъ, гдѣ спе-
ціализируется все, что до тѣхъ поръ выражалось только въ твор-
чествѣ языка: мы получаемъ науку и искусство. Отсюда исторія
языка и исторія литературы раздѣляются, и между ними существуетъ
только общая связь, отношеніе содержанія по матеріалу. Если исто-
рія литературы есть исторія народной мысли и этимъ исчерпывается
ея содержаніе, то историческія отношенія языка къ народности вовсе
не такія тѣсныя, чтобы они допустили подобное опредѣленіе. У
насъ передъ глазами три различныя народности, говорящія однимъ
и тѣмъ же языкомъ и не перестающія сохранять свой національ-
ный типъ; одна изъ этихъ народностей говоритъ даже разными
языками, продолжая называть себя однимъ и тѣмъ же народнымъ
именемъ. Литературы Франціи, Бельгіи и Швейцаріи носятъ на
себѣ каждая особый колоритъ и рѣзкія отличія почвы. Мы уже не
говоримъ о латинской литературѣ среднихъ вѣковъ и разнообра-
зін этнографическихъ элементовъ въ соединенныхъ штатахъ сѣвер-
ной Америки, которое еще болѣе подтверждаетъ наше положеніе.
Такимъ образомъ теоретически мы могли бы допустить, что народъ
можетъ утратить свой языкъ, нисколько не утрачивая своей народ-
ности. Если этого не бываетъ на самомъ дѣлѣ и всего чаще слу-
чается наоборотъ, что народъ отстаиваетъ свою политическую не-
зависимость вмѣстѣ съ языкомъ и вмѣстѣ съ нимъ падаетъ, то это
не доказательство какой нибудь тѣсной, физиологической связи между
языкомъ и народностью, а слѣдствіе всякой борьбы: въ виду тугого
насилія упрямѣе отстаивается все свое, хорошее и дурное безъ раз-
бора, языкъ, вѣра, учрежденія. Но можетъ быть и такъ, что народ-
ность не надламывается съ разу, а медленно всасываетъ въ себя
чужіе, подрывающіе ее элементы. Тогда языкъ еще продолжаетъ
жить, когда народъ нравственно пересталъ существовать и литера-
тура потеряла жизненную силу. Мы всё слышали, что такое герма-
низация. Надпись на памятникѣ Галки «что народы не гибнутъ,
пока живеть языкъ» надо бы скорѣе такъ повернуть, чтобы сохра-
неніе народности пришло условіемъ сохраненія языка. Во всякомъ

случаѣ, она говоритъ о мелкомъ филологическомъ пониманіи народности.

Еще на одно практическое неудобство хотѣли бы мы указать, необходимо вытекающее изъ соединенія исторіи языка съ исторіей литературы; указать тѣмъ скорѣе, что оно вошло во многіе учебники литературы, гдѣ лингвистическая часть играетъ роль прибавочной статьи, мелкаго шрифта. Отъ такого сплаванія теряетъ и исторія языка и исторія литературы, обыкновенно первая; въ недавно вышедшей книгѣ Marshall'a «The origin and history of the english language and of the early literature it embodies» London 1862 1 v. pp. XV—574, случилась второе. Цѣль труда филологическая: это преимущественно исторія англійскаго языка, но не столько измѣненій въ формахъ и флексіяхъ, сколько синтаксическихъ измѣненій слога, соответствующихъ измѣненіямъ мысли. «Англійская рѣчь и умственная культура достигли теперь (съ конца XVI столѣтія) той степени развитія, на которой ни одна изъ нихъ не выступала съ требованиями новыхъ силъ отъ другой. Языкъ не являлъ болѣе недостатка въ полнотѣ, гладкости, ясности и силѣ, которыя человѣческое слово приобретаетъ послѣ долгой практики въ разныхъ родахъ литературы — въ повѣствованіи, вымыслѣ, разсужденіи и, по крайней мѣрѣ въ новѣйшее время, подѣ возбуждающимъ и измѣняющимъ вліяніемъ исторіи, поэзіи, философіи, грамматикъ и словарей иностранныхъ языковъ. Между тѣмъ и въ англійскій умъ и въ англійское сердце набиралось знанія, опыта, силы и общечеловѣческихъ симпатій, и все это могло теперь дать полную волю своему росту, своимъ высокимъ нравственнымъ и умственнымъ усиліямъ, излиться въ пѣсни, проповѣди, выразиться въ исторіи, парламентской или судебной рѣчи, не опасаясь, чтобы у роднаго языка не стало словъ для точной и звучной передачи ихъ истинныхъ чувствъ, ихъ святѣйшихъ убѣжденій и высокихъ упованій. Исторія этого филологическаго и умственнаго прогресса есть, можетъ быть, слишкомъ широкая задача этого курса. Программа заманчивая, исполненная съ большимъ талантомъ, но непрактичность основной мысли необходимо отозвалась и на исполненіи. Исторія литературы подавила филологическую часть труда, которая на половину принуждена удалиться въ примѣчанія; съ своей стороны филологическая задача не позволила автору обратить вниманіе на ту часть старой англійской литературы, которая писана латинскимъ и французскимъ языкомъ, на важныя отдѣлы народной баллады и мистеріи, не представлявшихъ твердой опоры

для филологических замѣчаній. «Я уже прежде замѣтилъ», говоритъ авторъ на стр. 262, «что народныя баллады, существовавшія въ мѣстныхъ діалектахъ, еще не составляли литературы, и что Англія не имѣла собственной литературы до половины XIV столѣтія. Большинство тѣхъ, которые говорили на родномъ языкѣ, которые слушали баллады и даже сами сочиняли ихъ, были вѣроятно люди необразованные и для нихъ англійскій языкъ существовалъ только какъ языкъ разговорный. Преданія и легенды, баллады и воинственныя пѣсни, передающіяся изустно на какомъ бы то ни было не литературномъ языкѣ, не могутъ составить литературы потому, что онѣ не существуютъ въ постоянной установившейся формѣ». Далѣе (стр. 564) по поводу языка драмы говорится почти то же о народныхъ сценическихъ представленіяхъ. «Въ народныхъ фарсахъ и театральныхъ пьесахъ, вызванныхъ случаемъ, интересами дня, современный разговорный языкъ можетъ быть употребленъ съ успѣхомъ; но въ драмахъ, назначенныхъ для болѣе долгой жизни, языкъ діалога долженъ быть болѣе прочнаго и менѣе переменчиваго свойства, чѣмъ языкъ обыденнаго разговора, который отличается болѣе плавностью и сильнѣе подверженъ внѣшнимъ вліяніямъ, чѣмъ обыкновенно полагаютъ люди, не сдѣлавшіе разговорную рѣчь предметомъ своихъ изученій». Въ слѣдствіе такихъ соображеній народный театръ упускается изъ литературнаго обзора, какъ не филологически чистый. Двойственность цѣли и, можетъ быть, слишкомъ исключительный взглядъ автора на значеніе литературы отозвались неполнотой въ его новомъ трудѣ*).

Можетъ быть та же двойственность помогла ему избѣгнуть неполноты въ другомъ отдѣлѣ англо-саксонской литературы. Здѣсь онъ выгодно отличается отъ большей части сочиненій по исторіи англійской литературы. Warton, какъ извѣстно, проходитъ молчаніемъ англо-саксонскій періодъ; два отрывка, о романтической поэзіи и объ исторіи образованія въ Англіи, должны были кое какъ восполнить этотъ недостатокъ, объясненный временемъ. Но у насъ примѣры болѣе близкіе: *Arnold* въ своемъ *Manual of English literature, Historical and Critical with an appendix on english Metres*, вышедшемъ въ этомъ году, обходится съ памятниками англо-саксонской письменности, какъ съ геологическими рѣдкостями, не представляю-

*) Мы здѣсь обращаемъ вниманіе на предыдущій трудъ Marsh'a совершенно филологическаго свойства: *Lectures on the english language by the Hon. George P. Marsh*. Авторъ — посланникъ сѣверо-американскихъ штатовъ при туринскомъ дворѣ.

щими никакого интереса кромѣ интереса старины. Это уже слишкомъ практический взглядъ. Не болѣе даетъ и Gatchenberger (*Geschichte der englischen Literatur mit besonderer Berücksichtigung der politischen und Sitten-Geschichte Englands*, I 1859, II 1862, III 1863), хотя объ его исторіи нечего было бы и говорить, какъ о работѣ въ высшей степени поверхностной и некритической. Въ отдѣлѣ «*Christliche Angelsachsen*» у него помѣщенъ Gildas, миссіонеръ британскаго происхожденія, авторъ латинскаго сочиненія о древнѣйшей исторіи своей родины; Gildas былъ Кельтъ, ему приписывается книга «*De excidio Britanniae*» сперва подъ игомъ римлянъ, потомъ подъ жестокостями призванныхъ англо-саксовъ. Какое основаніе было у автора помѣстить Gildas'a между англо-саксами, лучше всего видно изъ разсказа объ ихъ призваніи «*Tum omnes consiliarii una cum superbo tyranno Gurthrigerno Britannorum duce caecantur, et adinvenientes tale praesidium, imo excidium patriae, ut ferocissimi illi nefandi nominis Saxones, Deo, hominibusque invisī, quasi in caulas lupi, in insulam ad retrudendas aquilonales gentes intromitterentur etc.* (Nennius und Gildas ex recensione Stevenson, hrsg. von San Marte. Berlin 1844 p. 150). Это говоритъ одинъ изъ древнѣйшихъ писателей англо-саксовъ? Ужь если было писать о Gildas'ѣ, то помѣстить бы его между тѣмъ немногимъ, что сообщается о кельтскихъ обитателяхъ страны, о кельтской миеологіи, о платоническомъ взглядѣ друидовъ на душу и т. п. вздоръ, заимствованномъ по всей вѣроятности у Dacres'a. Вѣроятно, опираясь на подобные авторитеты, авторъ сдѣлалъ открытіе, будто кельтскія племена заимствовали культуру и религіозными обрядами у финикіянъ (Tyrier)! Священный Градь оказывается совершенно языческаго происхожденія; какъ діонисіевская ваза была ключемъ къ элисейскимъ полямъ и кубокъ у персовъ символомъ природы, такъ стеянный челнокъ былъ символомъ посвященія въ таинство друидовъ! Хорошимъ противовѣдомъ противъ патріотическихъ бредней кельтологовъ можетъ послужить статья «*Druids and bards*» въ последнемъ номерѣ эдинбургскаго обозрѣнія за 1863 г.

Но это наводитъ насъ на другой вопросъ. Мы кажется угадываемъ, почему Gildas попалъ въ отдѣлъ англо-саксовъ: онъ жилъ въ періодъ англо-саксонскаго владычества. Можетъ быть хронологическія соображенія повели автора къ такому забвенію народныхъ отличій. Преобладаніе хронологическаго начала вообще отличаетъ всѣ руководства къ исторіи старой англійской литературы, въ ущербъ исторической истинѣ. Обыкновенно помѣщается въ началѣ глава о

первобытныхъ обитателей страны, но главѣ отводится на долю римлянъ, кельтскихъ бардовъ, англо-саксовъ, нормановъ, и за тѣмъ непосредственно переходятъ къ памятникамъ старо-англійской письменности. Какъ будто всякій послѣдующій періодъ принималъ въ себя наслѣдіе предыдущаго и этимъ самымъ прекращалъ его существованіе. Между тѣмъ англо-саксонская струя не только продолжаетъ бить рядомъ съ норманской, но и долго потомъ чувствуется въ англійской исторіи, въ борьбѣ завоевательнаго класса съ побѣжденнымъ, пока континентальныя войны не помогли разнообразнымъ частямъ англійскаго населенія сплотиться въ одинъ народъ. По крайней мѣрѣ мы не въ состояніи сочувствовать Bonneschese'у, когда онъ упрекаетъ Тьерри въ предвзятой мысли: во всѣхъ смутахъ, вызванныхъ норманскимъ завоеваніемъ, и потомъ долго послѣ него видѣть борьбу двухъ враждебныхъ элементовъ, пришлаго и туземнаго, даже въ церковномъ протестѣ Оомы Бевета. Кельты, а вмѣстѣ съ ними кельтская литература, также не вымерли съ поселеніемъ англо-саксовъ; еще въ XV столѣтіи, во время борьбы Генриха IV съ Глендоверомъ, валлійскіе барды выступили въ члѣ движенія и англійское правительство вынуждено было выдать приказъ противъ скомороховъ и другихъ бродячихъ людей, выходившихъ изъ Валлиса (См. Bonneschese'a и Pauli подъ 1402 г. *Rym. 184, que les ministralx, bardes, fushours, et westours et autres vagabundez Galeys deinz North-gales ne soient desormes soeffrez de surcharger le pais*). Кельтская литература живетъ; еще и теперь въ 1861 году въ одномъ Нью-Йоркѣ выходило 5 валлійскихъ газетъ (Wotts, *A Sketch of the history of the welsh language and literatur* въ *C. Knight's English Cyclopaedia*). Мы только хотѣли указать, какъ важно въ исторіи всякой литературы дать преимущество народному началу надъ хронологическимъ приемомъ, который отмѣчаетъ цифрой крупныя, иногда только кажушіяся отдѣлы въ исторіи развитія, и проходить, не отмѣчая, мимо мелкихъ фактовъ, скромныхъ вліяній и доживающей въ тихомолку жизни. Между тѣмъ всѣ они сказываются въ результатѣ, который никогда не поименъ изъ однихъ крупныхъ явленій и красной буквы написанныхъ періодовъ.

Прага.

2) Намидката Н. Мельникова.

Занимаясь у пр. Леукарта, я имѣлъ возможность ближе познакомиться съ организаціею и исторіею жизни червячка, на котораго

в слнш-
ger (Ge-
der po-
3), хотя
въ вис-
hristische
аго про-
исторіи
ига «De
ь жесто-
автора
но изъ
superbo-
ntes take
ainis Sa-
n ad re-
vidas ex
Это го-
жь если
немно-
о кельт-
у и т. п.
вроатно,
е, будто
ли обра-
і совер-
ла клю-
мъ при-
енія въ
рютиче-
oids and
1863 г.
і угадн-
ь жиль
хроноло-
родныхъ
личаетъ
ущербъ
глава о